

Родион Вишняков

МУРАВЬИ на сахаре

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В40

Вишняков, Р.

В40 Муравьи на сахаре / Р. Вишняков. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 316 с.

Вы готовы спуститься в глубины первобытного страха? Или подняться к манящему свету звезд? Что ждет нас дальше? Ужасные картины гибели человечества? Или красота его величия? Одна книга. Тринадцать историй. Два новых мира.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90365-8

© Вишняков Р., 2024
© Щербаков О., оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

К звездам

(повесть)

Пролог

Они просто сдохли, три тысячи чертей! Может быть, можно попробовать... Нет, бессмысленно. Они мертвы. И мертвы безвозвратно! Так же, как и многое другое.

Беляков в сердцах ударил кулаком по подлокотнику кресла. А ведь все так хорошо начиналось!

Пятьдесят один час назад он вместе с экипажем из двух человек погрузился в «Гиперион». Старт, согласно инструкциям, был произведен силами двигателей Гефест-ТЗ. После чего осуществили выход на стартовую мощность ракетных двигателей нового поколения. Созданные для межзвездных перелетов Атом-М6, прозванные в кругах космолетчиков «надсветовыми», за считанные минуты разогнали «Гиперион» до невероятной скорости. Два часа назад был преодолен рубеж Солнечной системы. Еще через два стандартных земных часа маршевые двигатели были отключены и корабль развернулся. Все ликовали, как дети! Впервые в истории человечества родная система была пересечена за рекордный срок — двое суток! Уму непостижимо! После катастрофы «Байкала», произошедшей три года назад, многие ставили под сомнение возобновление попыток межзвездных полетов. Нужно было возвращаться к чертежным доскам. Нужно было заново проводить полевые испытания. Нужно было...

Беляков мысленно махнул рукой. Все нужно было, и все люди смогли преодолеть. Потому что без этого они уже не могут! В их сознании стойко укоренилась вера, впиталась через прожитые десятки поколений мужественных предков в самую генетическую структуру. Вера не в каких-то абстрактных богов, живущих только на иконах и на страницах книг. Не в богов, которых необходимо замаливать сладкими речами и забавлять дорогими подношениями. Нет! Все боги — лишь плод людской фантазии! Они оставались глухи к мольбам людей. И

жили в умах лишь до тех пор, пока там не стала преобладать сила разума. Осознание того, что теперь почти все во Вселенной можно объяснить при помощи простых и понятных формул. Осознание того, что в ближайшем будущем для человека разумного не останется загадок. Именно сейчас на Земле наступает эра изобилия и человек наконец-то может шагнуть на новый виток своего развития.

Все те грехи, о которых писали забытые книжки, остались в прошлом. Чревоугодие, убийство, блуд и остальные пять ушли, как пережиток темного прошлого. И сейчас каждый из людей, пережив старых богов, идет путем совершенствования, постепенно создавая бога из самого себя. И возвеличивая в камне статуй и памятников не абстрактных чудовищ с головами шакалов или птиц, а тех, кто своими деяниями помог сделать еще один шаг навстречу к звездам.

Беляков бросил быстрый взгляд на систему координирования и навигации. Компьютер рассчитал многочисленные параметры и, выстроив траекторию, предложил человеку подтвердить решение задачи. Капитан бегло просмотрел заключение и недоверчиво усмехнулся. Курс был задан двумя способами: оптимальным и дополнительным, или, вернее сказать, альтернативным. На случай, если маршрут будет проходить в непосредственной близости от пролетающей где-то рядом кометы Антарго.

Обратно стартовали в рассчитанном временном интервале. И поначалу все проходило так, как и задумывалось. Окончание маневрирования, выход на стартовую точку, отключение маневренных и перевод импульса тяги на надсветовые, маршевые двигатели. А дальше...

Сигнал тревоги. Мигающий красный цвет индикатора экстренного отключения одного из двигателей. Перепад распределения энергии в хвостовой части. Уход корабля с заданной орбиты. Экстренное оповещение от искусственного интеллекта корабля. Корректировка курса и предложение капитану подтвердить новые данные. Еще один сигнал тревоги — от второго надсветового двигателя. А дальше произошло что-то совсем непонятное.

Часть бортовых систем, включающих аппаратуру дальней связи, просто перестала отвечать на запросы. Через пару секунд Беляков почувствовал, как его тело становится легче и невесомее. Возле него стали подниматься в воздух различные незакрепленные предметы. Вместе с ним. «Значит, система искусственной гравитации тоже вышла из строя, — пришла в голову первая мысль. А следом еще одна: — Надо проверить систему обогрева, защиты от космической радиации, кислородной и водной регенерации».

— Леша! Что случилось? — К капитану подлетел, неуклюже перевернувшись в воздухе, инженер-механик Скленичка.

— Оба надсветовых накрылись, Яромир. — Беляков приблизился к обзорному иллюминатору. Ничего не видно. Вернее, видны звезды. В космосе все-таки. Но вот планет Солнечной системы он разглядеть не смог. Куда же их отнесло? В какую сторону от первоначального курса ушел при аварии корабль?

— А часть систем вырубил после или одновременно?

— После. — Капитан отлетел от обзорного экрана. — Примерно через три секунды.

— Понял тебя. — Чех кивнул и, взмахнув сильными руками, поплыл в хвостовой отсек, собираясь, видимо, проверять какие-то свои догадки.

— Что говорит, компьютер? — В отсеке появился третий член экипажа, доктор Бабич.

— Борт! — подал голосовую команду Беляков. — Анализ объема повреждений систем корабля.

Ответа не последовало.

— Ориентировка в пространстве. Определить настоящие координаты.

Тишина.

— Активировать дальнюю связь. Соединение с орбитальной станцией «Королев».

Никакого ответа.

— Придется тестить вручную. — Алексей нахмурился.

— Принято. — Бабич коротко кивнул, направляясь к стойке систем управления.

Капитан проследил за ним взглядом. Потом вновь нахмурился. До него только сейчас дошел весь ужас сложившейся ситуации.

До момента ухода корабля с проложенного курса они находились на границе Солнечной системы. Четыре с половиной миллиарда километров от Солнца. Если не удастся починить надсветовые двигатели, со скоростью, которую они могут развить на Гефестах-ТЗ...

Беляков быстро прикинул в уме. Восемь лет. Почти три тысячи дней. Если по дороге не случится что-то еще...

Глава первая. Нерушимая

Утро было прохладным. Только появившееся из-за горизонта солнце еще не успело прогреть остывший, напитанный ночной влагой воздух. По полю стелился плотным белесым покрывалом туман. Укрывал собой русло речки и терялся между стволами сосен на противоположном берегу.

Травин поежился и тяжело вздохнул. Из рта вылетело прозрачное, теплое облачко. Он в очередной раз потер глаза. Сейчас ему больше всего хотелось только одного: оказаться в комнате номер восемь первого этажа жилого корпуса номер три. Сладко потянуться под теплым одеялом и, закрыв глаза, доспать положенные его организму часы.

Вчера, а вернее, сегодня ночью ему куда интереснее было не думать о сне, а направлять все свое внимание, шарм и обаяние на хорошенькую девушку Юлю, с которой он познакомился вчера на танцах и провел несколько прекрасных часов, прогуливаясь по тихим дорожкам учебного городка. Затем были узенькие тропки полей и перелесков, изломанная ветром

и течением лунная дорожка на черной поверхности речки. В жилые корпуса Юля и Владимир вернулись только тогда, когда оба продрогли настолько, что, как говорится, зуб на зуб не попадал.

Хорошо, что комната на первом этаже. Это позволяло ему нарушать распорядок дня, убегая после команды «отбой» старшего дежурного по корпусу. Будущим космонавтам предписывалось строгое соблюдение режима. Неукоснительное. Особенно сейчас, на последнем году обучения, когда фундамент теоретических знаний заложен и полученная мозгом информация запоминается и оттачивается телом до автоматизма, въедаясь в память мышц и связок. Теперь они приучали молодые, только начинающие крепнуть тела к новым нагрузкам. Новым не только для каждого из них, но и для всего человечества.

И всему учебно-командному составу школы вменялось в обязанности следить за исполнением предписаний. Если мальчишки не выспятся или будут себя плохо чувствовать, нагрузки, максимально приближенные к уровню взрослых, могут нанести непоправимый вред здоровью. Все это неоднократно просчитывалось на кафедрах всевозможных медицинских и биологических факультетов. И все это неоднократно подтверждалось на полигонах и в школах. Опытным путем. Как и вообще весь путь освоения человечеством космического пространства.

— Плохо? — Кирилл с тревогой посмотрел на Вову.

— Есть немного. — Травин попытался улыбнуться. Улыбка вышла кислая. — Да нет, — он постарался придать своему голосу уверенности и бодрости, — нормально все будет.

— Может, не стоит? — Днепровский с сомнением посмотрел на Травина. — Будет же еще шанс.

— Да когда он будет? Ты же сам понимаешь.

— Понимаю, — кивнул Сергей. — Но тебе же может стать плохо.

— Ничего. Справлюсь.

— Серега прав, — поддержал друга Кирилл. — Может быть, тебе стоит отказаться от сегодняшнего отбора? Все равно у них шансов чуть больше, чем у нас. — Капустин мотнул головой вперед. — Думаю, вы все со мной согласитесь.

Взгляд троицы теперь был обращен к оставшимся двум членам их команды. Неразлучным на протяжении всех лет обучения в школе.

Димка Махов и Илья Беяков стояли чуть поодаль, не обращая внимания на разговор, молча глядя через укрытую туманом реку в сторону темно-зеленого хвойного леса. И мысли обоих были уже не здесь. Не на учебной площадке школы, а за лесом. Там, где за верхушками хвойных исполинов, за много миль от этого места, располагалась первая на Земле стартовая площадка кораблей дальнего следования. Межзвездных гигантов, созданных человеком с одной единственной целью: постараться наконец утолить его жажду открытий и позволить осуществить то, о чем мечтало не одно поколение, о чем грезили далекие предки тех, кто в эти самые дни делает свой первый шаг в космос.

— Да, — кивнул Травин. — У них двоих шанс чуть-чуть, но больше.

— Так всегда бывает. — Днепровский решил пофилософствовать. — Кто-то изначально предрасположен к какому-то виду деятельности чуть больше, чем другой. Если бы они оба перестали заниматься вместе с нами, скажем, в прошлом учебном году, то их природные данные ничего уже не значили бы. Так как мы, благодаря ежедневным тренировкам, смогли бы легко уделать и Илюху и Димку на первом же тренажере. Но мы все в равных условиях.

— Да это понятно, — кивнул Кирилл. — Не всем же, в конце концов, быть космолетчиками. Есть множество других замечательных профессий. Агроном. Врач. Инженер. Токарь. Генетик. Зоолог. Есть из чего выбрать.

— И все эти профессии можно, так или иначе, в ближайшем будущем совмещать с профессией космолетчика, — заявил Днепровский. — Все, чем мы занимаемся на Земле, будет

возможно делать и на других планетах. Скоро все станут космолетчиками, а уже потом врачами, биологами, инженерами и поварами.

— Мы-то точно будем космолетчиками, — вздохнул Вова. — Мне сон снился, я ж говорил. Помнишь? А у меня сны всегда сбываются.

— Не помню, — пожал плечами Сергей. — Давно, видимо, было.

— Года два или три назад. Но не суть. А дело в том, что снится мне наша комната. Там я, ты, Сережа, Кирюха. Димка и Илюха. В общем, мы все пятеро. Сидим вечером после ужина, и каждый занимается чем-то своим, обычным. И только ты сидишь и складываешь в чемодан вещи. Старательно так, неспешно. Димка такой тебе говорит: ты что, мол, делаешь? А ты ему в ответ: мы же космолетчиками будем, надо заранее все подготовить. Собрать вещи и ждать команды.

— Да. Это верно. — Днепровский кивнул. — Я всегда все заранее делаю.

— Ну, а Димка тебе, значит, отвечает: а с чего это ты взял, что станешь космолетчиком? Учиться-то еще столько лет! Аж до восемнадцати годков. И так обиженно, со злостью даже, что не его первого выбрали на это почетное звание, а тебя. А ты такой преспокойно киваешь головой на стол. Там, мол, все написано, смотрите сами. И возвращаешься к своим вещам. Мы все поворачиваем головы в указанную сторону и просто теряем дар речи: на столе лежит список команды первого межзвездного полета! Причем, ни я, ни Димка, ни Кирилл с Ильей, которые сидели за столом и играли в шахматы, словом, никто не видел этого списка еще минуту назад. Махов берет его в руки, смотрит на него недоверчиво, а потом зачитывает все наши пять имен. Вот такой это был сон.

— Красиво, — мечтательно протянул Кирилл. — Жаль, что это только сон.

— Это не только сон, — обиженно насупился Вова. — Это мой сон. А у меня сны всегда сбываются. Вот увидите. Все мы станем космолетчиками.

— И часто тебе снятся сны? — Капустин посмотрел на Травина. — Извини, я просто не помню, говорил ты или нет. Столько времени прошло.

— Нечасто. Раз или два за полгода.

— А если снится какой-нибудь дикий абстракционизм? Помнишь, как у Сальвадора Дали? Часы стекают по веткам, и прочее такое.

— Нет, — покачал головой Травин. — Такого не бывает. Всегда только конкретика. Не понимаю я этих непонятных стилей.

— Полностью с тобой согласен. — Днепровский присоединился к разговору. — Картина должна быть картиной. Она должна быть понятной сразу и каждому, не оставляя никаких недомолвок или расхождения мнений. Я вот люблю, когда все понятно.

— Доброе утро! — раздался за спинами парней бодрый голос. Троица обернулась. К ним легкой, пружинящей походкой приближался Корнеев. Невысокий человек с бесцветными глазами и уже проявившимися в его молодом возрасте залысынами.

— Доброе утро, Иван Алексеевич! — нестройным хором ответили они и присоединившиеся к ним с появлением учителя Беляков и Махов.

— Готовы?

— Всегда готовы.

— Рад слышать это, мальчики. — Выцветшие глаза Корнеева проšliсь равнодушным, ничего не выражающим взглядом по лицам каждого из учеников. — Володя, ты готов?

— Всегда готов, Иван Алексеевич, — уверенно повторил Травин.

— Хорошо. — Учитель кивнул. — Напоминаю всем, что на первом этапе выпускного экзамена вас ожидает сдача общефизических нормативов. Бег на шесть километров, заплыв на тысячу шестьсот метров, подтягивание, прыжок в длину и ныря-